

Дунфан Юй, преодолевая боль в коленях, наклонился и вырвал из земли стебелек щетинника. Зажав его в пальцах, он прошептал заклинание, которое никто не смог бы разобрать, и легко дунул на корень.

К изумлению мальчишки, обычная травинка на глазах превратилась в желтый листок бумаги, исписанный странными символами. Дунфан Юй щелкнул пальцами — бумага вспыхнула без огня, и в танцующих искрах возникла ярко-алая, словно живая, роза. Он ловко крутанул кистью, цветок исчез, а затем, широко разведя руки и заставив пальцы танцевать, словно живые, он вновь явил розу из пустоты прямо у себя на ладони.

Дунфан Юй протянул цветок мальчику. В тот самый миг, когда тот от удивления подался вперед, намереваясь схватить диковинку, Дунфан Юй сжал пальцы. Раздался тихий хлопок, и роза мгновенно превратилась в горстку пепла, рассеявшуюся в воздухе.

— Хочешь научиться? — Дунфан Юй растянул губы в насмешливой улыбке, глядя на остолбеневшего сорванца. — Назови меня братом, извинись — и я тебя научу.

Он нарочно скопировал тот самый надменный тон, которым мальчишка только что к нему обращался. Ребенок, выросший в глубине дворца, пусть и знатного происхождения, где мог видеть подобные фокусы, пропитанные магией? Глаза мальчугана округлились, он был полностью захвачен этим чудом. Он даже сделал два шага вперед и схватил Дунфан Юя за руку, вертя ее так и эдак, пытаясь найти секрет, но ничего не обнаружил.

Эти детские забавы Фань Шици когда-то придумал специально, чтобы развеселить свою двоюродную сестру Фань Яо, которая не любила учиться даосским практикам и вечно плакала, когда наставник ее отчитывал. Кто бы мог подумать, что спустя тысячу лет это пригодится здесь.

— Как тебя зовут? — спросил Дунфан Юй, прикидывая, как бы проучить этого несносного ребенка.

Мальчик тотчас выпятил грудь, скрестил руки на груди и высоко задрал подбородок, гордо провозгласив:

— Хуанпу И!

Он ждал, что этот слуга, услышав имя принца, в ужасе упадет на колени и начнет молить о пощаде. Но Дунфан Юй лишь скопировал его позу: скрестил руки, задрал подбородок еще выше и посмотрел на него с еще большим высокомерием.

— О? Хуанпу И? Извинись передо мной и назови братом, тогда научу тому, что только что видел. А иначе... даже не мечтай!

Хуанпу И дожил до таких лет, но кто, кроме императора, императрицы и вдовствующей

императрицы, смел так с ним разговаривать? Не говоря уже о том, чтобы заставлять его извиняться. Его личико залилось краской, ярость закипела в груди. Он нагнулся, схватил с земли камешек и со всей силы швырнул в лоб Дунфан Юю.

— Мои родители... то есть, воспитание, которое дали мне отец и мать, не для того, чтобы такие невоспитанные отродья, как ты, садились мне на шею!

Дунфан Юя это по-настоящему разозлило. Он не был тем простаком-наследным принцем, которого можно было безнаказанно обижать. Он действовал быстрее: тоже нагнулся, подобрал камень и, отвечая тем же, точно запустил его в лоб Хуанпу И.

Детская кожа была нежной, и острый край камня мгновенно рассек белоснежный лоб, из которого тут же выступили капли алой крови. Хуанпу И никак не ожидал, что этот человек посмеет дать сдачи, да еще и ранить его. Резкая боль в голове на мгновение лишила его дара речи. Прошло несколько секунд, прежде чем на него нахлынуло осознание обиды и боли, и он, издав вопль, рухнул на землю и зарыдал в голос.

— Ха, — Дунфан Юй смотрел на него сверху вниз с насмешкой. — Что такое? Умеешь только слезы лить?

Сказав это, к шоку Хуанпу И, Дунфан Юй сам сел на землю. Он принялся хлопать ладонями по полу и вопить во весь голос — так громко, так жалко и так правдоподобно, что у любого сердце бы дрогнуло. Магия против магии, кто кого?

Плач Хуанпу И оборвался. Он открыл рот и тупо уставился на этого слугу, который сидел на полу, закатывал истерику и голосил на всю округу. В своей жизни он никогда не видел настолько бесстыдного, бесстрашного и непредсказуемого человека. Это выходило за рамки его детского понимания и повергло в полный ступор.

В этот момент евнухи и служанки, услышав плач принца, в панике прибежали на место. Перед ними предстала картина: маленький хозяин сидит на земле в полнейшем замешательстве и смотрит на молодого человека, который сидит рядом и рыдает так, будто рушится мир.

— Схватить его! Тащите к императрице, живо! — наконец опомнился Хуанпу И, указывая пальцем на Дунфан Юя.

Зал Фэнъи, покои императрицы. Атмосфера была тяжелой. Четверо лекарей окружили всхлипывающего Хуанпу И, осторожно обрабатывая неглубокую царапину на лбу. Но маленький принц был изнеженным, и каждое прикосновение вызывало у него вопли. Императрица, наблюдая за этим, обливалась слезами, словно ее сыну нанесли смертельное оскорбление. Лекари, запуганные ее плачем, обливались холодным потом, и когда дело было закончено, выглядели так, будто из них выкачали все силы.

Императрица отослала лекарей и устремила яростный взгляд на Дунфан Юя, которого двое

евнухов удерживали за плечи посреди зала. Увидев его одежду и лицо, она на мгновение замерла в недоумении, но тут же ее лицо исказилось от гнева.

— Дунфан Юй? Это ты? — она узнала его, голос ее сорвался на визг, полный невыносимого возмущения. — Как у тебя хватило наглости ранить И-эра? Немедленно на колени!

На колени? Душа Фань Шици взревела: преклоняться перед небом, землей и родителями — это одно, но вставать на колени перед тобой? Да ни за что! Он выпрямил спину, вскинул подбородок, и в его глазах читалось непокорство.

— Дерзость! — видя такое поведение, императрица пришла в неистовство. — Повалить его!

Две крепкие няньки тут же подскочили, схватили его за руки и изо всех сил попытались толкнуть вниз. В то же время третья зашла сзади и с размаху ударила ногой в обуви на толстой подошве под колено. От острой боли и внезапного толчка Дунфан Юй потерял равновесие и с тяжелым стоном рухнул на колени. Его чашечки с хрустом ударились о холодный и твердый золотой кирпич пола.

— Дунфан Юй, ты осознаешь свою вину? Будучи наследным принцем, ты посмел поднять руку на императорского сына! Кто дал тебе такую смелость? — гремела императрица.

Каждое слово — преступление, дерзость, наглость — словно кнут хлестало по нервам Фань Шици. В глубине души наставник, привыкший к свободе и равенству, испытал физическое отвращение к этому неприкрытому классовому угнетению и клевете. Само слово «слуга» словно нажало на какой-то рычаг. Фань Шици почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота, а мозг выдал предельно реалистичную реакцию.

— Уэ-э!

Императорские деликатесы, которые он не успел переварить, вперемешку с желудочным соком, подобно прорвавшей плотине, без предупреждения и с силой хлынули из его рта. Липкие, зловонные рвотные массы растеклись по полу прямо перед ним. Кислый, тошнотворный запах мгновенно заполнил весь роскошный золотой зал Фэнъи.

<http://bllate.org/book/18860/1840165>